

**ОБРАЗ ТОЛКОВАТЕЛЯ И ЕГО «ЖИВЫЕ ЭМБЛЕМЫ»
В КНИГЕ «ПУТЬ ПАЛОМНИКА» ДЖ. БАНЬЯНА
И ЕЕ АДАПТАЦИЯХ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ (XVII–XX ВВ.):
К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ ТЕКСТА**

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, maria.nenarokova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена одному из эпизодов книги «Путь паломника» Дж. Баньяна (эпизод в доме Толкователя) и изменению его эмблематического наполнения в адаптациях книги Баньяна для читателей XIX–XX вв. Объектом изучения стали значение образа Толкователя и содержание и форма семи эмблематических описаний, составляющих эпизод. Предметом изучения стали особенности трансформации текста-источника в адаптациях XIX–XX вв. Исследование выполнено на материале книги Баньяна и текстов Х.Л. Тейлор, «Иллюстрированного “Пути паломника”» и комикса М. Поуэлла. В задачи исследователя входило: определить значение эпизода в доме Толкователя в сюжете книги; установить значение образа Толкователя в контексте английской культуры XVII–XVIII вв.; проанализировать связь комплекса эмблем с религиозной культурой Англии эпохи барокко; описать изменения, имевшие место в адаптациях «Пути паломника» для читателей XIX–XX вв. Исследование показало, что образ Толкователя является ключевым для всего произведения. Смена культурных парадигм привела к разрушению изначального комплекса эмблем, однако авторы адаптаций использовали эмблемы Баньяна для создания собственных мини-комплексов, отвечавших потребностям их читательской аудитории. Хотя как формальная, так и содержательная сторона исходного текста со времени написания «Пути паломника» во многом претерпели изменения, однако и роль Толкователя, и назначение эмблем в адаптациях остались неизменными.

Ключевые слова: английская литература эпохи барокко, Джон Баньян, «Путь паломника», аллегория, эмблема, адаптация, комикс.

Благодарности. Статья выполнена по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 23-28-00989 от 14.06.2022, срок реализации 2023–2024 гг.) «Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации».

Для цитирования: Ненарокова М.Р. Образ Толкователя и его «живые эмблемы» в книге «Путь паломника» Дж. Баньяна и ее адаптациях для современного читателя (XVII–XX вв.): к вопросу эволюции текста // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 85–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-85-92>

Research Article

**THE IMAGE OF THE INTERPRETER AND HIS “LIVING EMBLEMS”
IN “THE PILGRIM’S PROGRESS” BY JOHN BUNYAN AND ITS ADAPTATIONS
FOR THE CONTEMPORARY READERS (THE 17TH – THE 20TH CENTURIES):
ON THE ISSUE OF TEXT EVOLUTION**

Maria R. Nenarokova, Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate, A.M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, maria.nenarokova@yandex.ru

Abstract: The article focuses on one of the episodes of “The Pilgrim’s Progress” by John Bunyan (an episode in the House of the Interpreter) and the change in its emblematic content in the adaptations of J. Bunyan’s book for readers of the 19th – the 20th centuries. The object of study is the meaning of the Interpreter’s image and that of the content and form of the seven emblematic descriptions in the episode. The subject of the study is the transformation of the source text in the adaptations of the 19th – the 20th centuries. The study is based on J. Bunyan’s book and texts by Helen L. Taylor, “Little Pilgrim’s Progress” and Martin Powell’s comics. The tasks of the study were as follows: to determine the meaning of the episode in question in the plot of the book; establish the meaning of the Interpreter’s image in the context of the 17th – 18th c. English culture; to analyse the connection of the emblem complex with the Baroque religious culture; describe the changes in the adaptations of

the *Pilgrim's Progress* for readers of the 19th and the 20th centuries. The study showed that the Interpreter's image is the key one. The shift in cultural paradigms led to the destruction of the original set of emblems, but the authors of the adaptations used J. Bunyan's emblems to create their own mini-sets that met the needs of their readership. Although both the formal and the content of the original text have changed in many respects since the 17th century, both the role of the Interpreter and the purpose of the emblems in the adaptations have been remaining unchanged.

Keywords: English Baroque literature, John Bunyan, "The Pilgrim's Progress", allegory, emblem, adaptation, comic book.

Acknowledgments. The work was financially supported by the grant from the Government of the Russian Federation (agreement No. 23-28-00989, 14.06.2022, implementation period 2023–2024) "English Classical Literature in World Culture: Receptions, Transformations, Interpretations".

For citation: Nenarokova M.R. The image of the interpreter and his "Living Emblems" in "The Pilgrim's Progress" by John Bunyan and its adaptations for the contemporary readers (the 17th – the 20th centuries): on the issue of text evolution. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 1, pp. 85–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-85-92>

Книга Джона Баньяна «Путь паломника», написанная в жанре романа-аллегории, является одной из констант англоязычной культуры – как британской, так и американской. Как писал о ней исследователь английской литературы эпохи барокко Н. Кибл, «больше ни один текст XVII века, не считая Библии короля Иакова, ни одно произведение, вышедшее из-под пера писателя, принадлежащего к тому же социальному классу, что и Баньян, в любой период времени, ни одна книга, написанная пуританином или хотя бы ревностным христианином, не может похвастаться таким огромным вниманием читателей» [Keeble 1984: ix].

Аллегоричность «Пути паломника» соответствовала духу времени. Выражением особой ментальности эпохи барокко с ее художественным мышлением стала эмблема, «словесно-образная форма» [Михайлов: 146], являющая собой «особое восприятие реальности и особое слово» [Зеленин 2020: 41]. Эмблема «для пуритан XVII в. описывала предметы окружающего мира, имеющие духовное значение» [Daly: 187]. Слово «эмблема» греческого происхождения, первоначально оно обозначало нечто материальное – значок или украшение, имеющее символический смысл. Особенностью эмблемы как литературного жанра является «изобразительность слова и словесная выразительность изображения» [Сахно: 95]. Сама по себе эмблема состоит иногда из двух частей (изображение и комментарий), иногда из трех (девиз, выражающий идею эмблемы, изображение и комментарий к нему). Тексты XVII в. представляют собой, по выражению А.В. Михайлова, «эмблематическую стихию – такую, в которой стремительно зарождаются и сменяют друг друга эмблемы» [Михайлов: 159]. Как считает Д.А. Зеленин, в эпоху барокко можно говорить не об отдельном жанре, а об «эмблематическом дискурсе» [Зеленин 2021: 107], поскольку книга, отражающая сознание своего автора, может и не быть проиллюстрирована изображениями эмблем: достаточно «визуализации слова и возникновения ментального образа» [Зеленин 2021: 108]. Эти слова можно, без сомнения, отнести и к баньяновско-

му «Пути паломника»: перед читателем этой книги раскрывается «эмблематика, которая до конца перешла в текст» [Михайлов: 161].

При том что «Путь паломника» изобилует словами «в... сопряженности с образом» [Михайлов: 144], которые складываются в яркие описания, созерцаемые внутренним взором читателя, в тексте книги есть эпизод, где последовательно описываются семь эмблем, составляющих единую смысловую систему. Главный герой книги по имени Христиан (английское *Christian* является одновременно и именем «Христиан», и обозначением приверженца христианской веры «христианин») в начале своего пути в Небесный Град попадает в дом Толкователя, который, готовя неопытного путешественника к трудностям не столько реального, сколько духовного пути, преподает ему уроки, показывая и истолковывая эмблематические картины. Шесть из них можно назвать «живыми эмблемами», поскольку они представляют собой сценки, разыгранные перед Христианом безымянными участниками. Переходя от созерцания одной «живой эмблемы» к другой, Христиан слушает пояснения Толкователя и начинает осознавать духовное значение избранного им пути.

Образ Толкователя связан только с одним эпизодом, далее этот герой нигде не появляется и не упоминается. На первый взгляд это второстепенный персонаж. Чтобы понять, какое значение мог придавать сам автор и этому эпизоду, и его главному действующему лицу и как могли воспринять эту часть книги читатели XVII в., стоит обратиться к культурно-исторической ситуации того времени.

Религиозные потрясения XVI в., переход от католицизма к протестантизму при Генрихе VIII, от протестантизма к католицизму при его дочери Марии Тюдор и, наконец, окончательное утверждение протестантизма в Англии при Елизавете сопровождалось, с одной стороны, репрессиями инакомыслящих («все эти резкие "обрубания ветвей" и перемены», по выражению П. Лейка [Lake: 57]), с другой – появлением этих самых инакомыслящих, уверенных в своей правоте и распространявших свои взгляды. Поскольку

ку еще в правление Генриха VIII в 1526 г. появился перевод Священного Писания на английский язык, выполненный Уильямом Тиндейлом (работа над ним шла с 1522 г., и редактирование продолжалось до 1535 г.), каждый человек, будь то мужчина или женщина, мог читать библейские тексты и толковать их перед слушателями. Результатом свободного толкования Библии стало «резкое увеличение очень широкого разнообразия религиозных течений и объединений» [Lake: 58]. По свидетельству Уильяма Аллена, обратившегося к королеве Елизавете I с посланием, касавшимся идеологического разнообразия в английском обществе конца XVI в., в Англии того времени существовали «четыре известные религии и их учителя, совершенно различные по имени, духу и учению, то есть католики, протестанты, пуритане и “главы общин Любви Божией”, а кроме того, все иные мелкие секты, только что родившиеся, но уже ползающие по земле» [Lake: 58]. Сравнение мелких сект, заполонивших, по мнению Аллена, духовное пространство Англии XVI в., с пресмыкающимися или насекомыми указывает, как кажется, на опасность такого множества разнообразных взглядов для духовного здоровья общества.

С развитием книгопечатания ситуация только усложнялась. Люди, придерживавшиеся разных, подчас диаметрально противоположных религиозных и политических взглядов, и мужчины, и женщины, могли сделать их известными всем благодаря печатному станку. По наблюдениям Н. Кибла, при жизни Дж. Баньяна количество печатной продукции возросло с 625 названий в 1639 г. (Баньяну в то время было 11 лет) до 3 666 названий в 1642 г. (Баньяну всего 14 лет), а потом до 60-х гг. XVII в. количество публикаций колебалось от 1 000 до 2 000 в год [Keeble 2010: 13]. Ситуация была настолько удручающей, что старший современник Баньяна священник Ричард Бакстер писал: «Каждый невежественный, пустой ум (который обычно оценивает себя весьма высоко) пользуется свободой печати» [Keeble 2010: 13–14]. По его мнению, левеллеры, анабаптисты, квакеры, бродячие проповедники-рантеры и прочие «пустословы» «переворачивали мир вверх ногами» (Деян 17, 6). В этих условиях возрастала ценность советов тех проповедников, чья деятельность не вела к духовному разрушению, – истинных Толкователей Священного Писания. Баньяну положение дел было знакомо очень хорошо: он участвовал в религиозной полемике, публикуя памфлеты против квакеров, и сам был проповедником и толкователем библейских текстов [Smith: 30]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что образ Толкователя для «Пути паломника» является ключевым: недаром эпизод в доме Толкователя представляет собой начальную точку долгого пути Христиана к Небесному Граду. Толко-

ватель, по замыслу автора, должен стать тем истинным наставником, который научит Христиана видеть скрытое значение предметов, явлений, событий окружающего мира и, таким образом, снабдит его духовным оружием, необходимым ему на его полном опасностей пути.

И при жизни Баньяна, и много позже в Англии публиковались сборники эмблем, причем Баньян и сам составил сборник стихотворных эмблем для детей, называвшийся «Книга для мальчиков и девочек» (1686). Известно, что он был знаком со сборниками Дж. Уитни «Выбор эмблем» (1586), Ф. Кворлза «Эмблемы» (1635) и Дж. Уизера «Собрание эмблем, древних и современных» (1635) [Sharrock: 106; Luxon: 446]. Эти сборники сопровождаются предисловиями их авторов, которых также можно назвать Толкователями. Из этих кратких текстов становится понятно, какие задачи ставили перед собой те, кто должен был открывать своим читателям премудрости «аллегорического толкования любых вещей и явлений» [Михайлов: 143]. Интересно, что мотив духовного путешествия появляется в предисловии к самой ранней книге английских эмблем: по мнению ее автора, Джеффри Уитни, она должна была служить «распущенным людям к их исправлению, праведникам для того, чтобы им было легче идти вперед в их движении, которое ведет к Вечной Славе Божией» [Whitny: i]. Иными словами, Уитни видел свою книгу как своего рода итинерарий, помогающий праведным людям на пути в Небесное Царство, что не может не напоминать о путешествии героя Баньяна и о его цели.

Сами эмблемы, по мнению авторов сборников, имеют большое значение для духовного роста христиан: это «полезные нравственные наставления, а не тени, лишённые содержания, не образы, которые недостойны того, чтобы над ними поразмыслить» [Whitny: i], однако их смысл скрыт и нуждается в объяснении: «Эмблема есть не что иное, как безмолвная притча» [Quarles: 3], записанная «иероглифами» [Quarles: 3], появившимися до возникновения всем известных алфавитов. По мнению Ф. Кворлза, «Что есть небеса, земля, более того, каждое творение, если не иероглифы и эмблемы Славы Божией?» [Quarles: 3]. О «скрытых тайнах» [Wither: 2], о «потаянных значениях всех существующих вещей» [Wither: 2] пишет в своем предисловии и Дж. Уизер. Как он считает, «тот, кто может разгадать для нас / Эти загадки, будет назван вторым Эдипом» [Wither: 2]. Если обобщить мнение авторов эмблематических книг о самих себе, то мы поймем, как современники могли воспринимать образ Толкователя в баньяновском «Пути паломника» в буквальном смысле: человек, способный правильно объяснить эмблему своему собеседнику,

причастен к Божественным тайнам, постиг аллегорические значения различных элементов мироздания и их сочетаний, а сравнение с Эдипом, который один смог разгадать загадку Сфинкса и остаться в живых, подчеркивает и уникальность дара толкователя, и крайнюю важность его наставлений для желающих спасения души.

Подтверждение важности образа Толкователя и в то же время указание на его символическое значение находим в книге, написанной на излете эпохи барокко, – «Ключ к “Пути паломника”, составленный, чтобы помочь тем, кто восхищается этой превосходной книгой, читать ее как с пониманием и пользой, так и с немалым удовольствием» (1790). Ее автор скрыл свое имя под псевдонимом «Андроникус». Утверждая, что Баньян в своей книге отстоял пользу «метафорического способа передачи наставлений» [Andronicus: iii], Андроникус тем не менее указывает, что «читатели, которые жили в то же время, что и автор, или чрез малое время [после его смерти], могли гораздо лучше понимать многие части его аллегории, чем современные люди» [Andronicus: v]. Следовательно, необходим толкователь, но теперь уже всей книги Баньяна, а не отдельных описанных в ней эмблем. Андроникус создает традицию аллегорического объяснения образа самого Толкователя в баньяновом «Пути паломника», сообщая, что дом этого героя, где он показывает Христиану «Сокровища Премудрости» [Andronicus: 40], означает Священное Писание, а самого его непрямо называет «Духом Истины, Утешителем» [Andronicus: 40] и «Святым Духом» [Andronicus: 41]. Такое понимание образа Толкователя сохранилось вплоть до начала XX в.: в сноске издания «Пути паломника» 1917 г., объясняющей, кто такой Толкователь, стоит: «Святой Дух» [Bunyan 1917: 20].

Косвенным подтверждением такого объяснения образа Толкователя являются и сами семь эмблем, которые он показывает Христиану. Число «семь» в христианстве сакрально, в частности, оно обозначает количество даров Св. Духа. Несмотря на разрыв с католицизмом и отрицательное отношение к папе Римскому как символу этого вероисповедания (Христиану приходится проходить мимо пещеры, где некогда обитали два злобных великана, Папа и Язычник, «по причине чьей власти и тирании были жестоко преданы смерти люди, чьи кости, кровь, прах и т. д. там лежали» [Bunyan 1984: 54]), от духовного влияния католической культуры, все еще являвшейся неотъемлемой частью британского религиозного мировоззрения, избавиться было нелегко. Если обратиться к одному из известнейших богословов Позднего Средневековья Фоме Аквинскому, то обнаружим, что порядок даров Св. Духа, описанный в его труде *Summa Theologiae* (1265–1274; не завершен), и поря-

док, в котором Толкователь показывает Христиану эмблемы, во многом совпадают, при том что, конечно, ни имя Аквината, ни какая-либо связь с католическим вероучением не упоминаются.

Как пишет Фома Аквинский, «дар мудрости более соответствует любви, которая соединяет ум человека с Богом» [Thomas Aquinas]. Первая эмблема, которую толкователь показывает Христиану, представляет собой изображение «некого очень серьезного Мужа, висящее на стене, и вот в каком стиле оно было: Глаза сего Мужа были подняты к небу, в его руке была Лучшая из Книг, на устах его был запечатлен Закон Истины, за спиной его остался Мир; Муж сей стоял в такой позе, как если бы он обращался к людям; а над его головой парил Золотой Венец» [Bunyan 1984: 24]. Толкователь не называет имени «Мужа» [Bunyan 1984: 24], но подчеркивает и Его приверженность мудрости, воплощенной в «Лучшей из Книг» [Bunyan 1984: 24], и Его любовь к людям и к тому Служению, которое он исполняет ради Бога Отца [Bunyan 1984:24]. Он просит Христиана «держаться в уме увиденное» [Bunyan 1984: 24], чтобы не поддаться во время путешествия на уговоры тех, чей «путь ведет вниз, к смерти» [Bunyan 1984: 24].

Согласно Аквинату, «вера разделяет мысли любви» [Thomas Aquinas], поэтому логично, сказав о даре любви, перейти к дару веры, которая основывается на свидетельствах Евангелия («вера также говорит обо всем, содержащемся в Священном Писании» [Thomas Aquinas]). Вторая эмблема посвящена объяснению различия между Законом и Евангелием в их влиянии на сердце человека, символом которого становится «очень большая комната, полная пыли» [Bunyan 1984: 24], то есть всех грехов, совершенных этим человеком. Муж, символизирующий Закон, не может справиться с пылью греха, тогда как Девица, означающая Евангелие, побрызгала комнату водой благодати Божией и легко вымела всю пыль; «душа очистилась посредством Веры» [Bunyan 1984: 25] в Евангелие.

Действие третьей эмблемы происходит «в маленькой комнате, где сидели два ребенка, каждый на своем стуле» [Bunyan 1984: 25]. Имена детей – «Страсть» и «Терпение» – и их поведение (««Страсть» выказывает недовольство тем, что ее требования не удовлетворяются немедленно, тогда как «Терпение» рассудительно предпочитает ждать, сколько необходимо) отсылают нас к рассуждениям Фомы Аквинского о даре разумения, связанном с даром умеренности: «Без разумения... умеренность не добродетель» [Thomas Aquinas]; «Разумный человек есть тот, кто выказывает правильное суждение» [Thomas Aquinas]. Глядя на детей, Христиан убеждается в том, что «терпение наиболее премудро» [Bunyan 1984: 26], показывая, таким образом, что и он сам является «разумным человеком».

Четвертая эмблема воспринимается как развитие темы второй эмблемы: она посвящена действию благодати Божией, «не прекращающемуся в сердце человека» [Bunyan 1984: 27]. Христиан был приведен «в место, где огонь горел у стены, и некий человек, стоявший рядом, заливал огонь большим количеством воды, однако огонь горел жарче и поднимался выше» [Bunyan 1984: 27]. На вопрос Христиана «Что это значит?» [Bunyan 1984: 27] Толкователь отвечает: «Этот огонь есть труд Благодати, который совершается в сердце; тот, кто льет воду на огонь, чтобы погасить и уничтожить его, есть дьявол» [Bunyan 1984: 27]. Причина того, что огонь все разгорается, та, что за стеной стоял «Человек с Сосудом Елея, из которого Он также льет в огонь, но скрытно» [Bunyan 1984: 27]. По объяснению Толкователя, этот Человек есть Христос, Который «Елеем Своей Благодати продолжает труд, который уже начался в сердце» [Bunyan 1984: 27]. О «всех духовных вещах, обретенных благодаря невидимой благодати» [Thomas Aquinas], писал и Фома Аквинский.

Среди «живых эмблем», которые Толкователь показывает Христиану, есть аллегорическое изображение пути в Небесный Иерусалим. Христиан увидел прекрасный дворец и толпу людей, стоящих перед ним, но не решающихся войти, поскольку вход во дворец охраняли вооруженные воины, внушающие им страх. Стоит здесь снова вспомнить Аквината, который уделял большое внимание дару стойкости, соединенной с храбростью: «...Человек боится, когда он дрожит от одной мысли о вооруженном столкновении, и все же он не настолько напуган в глубине души, чтобы не взять себя в руки и не набраться смелости» [Thomas Aquinas]. Христиан увидел, как один человек из толпы, надев доспехи и взяв в руки меч, вступил в бой с вооруженными стражами, победил их и был принят как равный хозяевами дворца [Bunyan 1984: 27–28]. Эта аллегория, изображающая путь христианского воина, позже у Баньяна отразится в сцене снаряжения Христиана на битву с Аполлионом в Прекрасном Дворце [Bunyan 1984: 46].

Благодаря пятой эмблеме Христиан постиг смысл своего путешествия и стал просить, чтобы Толкователь отпустил его в путь. Однако Толкователь посчитал, что Христиану нужно увидеть еще две эмблемы. Их можно назвать эмблемами-предупреждениями.

Местом действия шестой «живой эмблемы» становится «очень темная комната, где сидел человек в железной клетке» [Bunyan 1984: 28]. Человек в клетке служит символом отчаяния: он казался «очень печальным: он сидел, опустив глаза в землю, руки его были сложены на груди, и он вздыхал так, как если бы у него вот-вот разорвется сердце» [Bunyan 1984: 28]. На вопрос Христиана этот человек ответил, что он был известным наставником «в своих собственных глазах

и в глазах окружающих» [Bunyan 1984: 28], но был предан страстям и не боролся с ними и так «ожесточил свое сердце, что... не может раскаяться» [Bunyan 1984: 28]. Отвернувшись от веры, проповедовавшей отказ от страстей, несчастный потерял надежду на спасение, ведь именно «вера порождает надежду» [Thomas Aquinas]. Толкователь сказал Христиану: «Помни несчастье этого человека, пусть оно будет для тебя вечным предостережением!» [Bunyan 1984: 28].

Чтобы показать Христиану седьмую эмблему, Толкователь приводит его «в покой, где некто поднимался с постели, и когда он надевал свое платье, он дрожал и трясся» [Bunyan 1984: 29]. На вопрос Христиана, почему он так ведет себя, человек рассказал, что во сне он увидел Страшный Суд и видение ада, гораздо более яркое, чем видение рая. Собеседник рассказывает Христиану, что повергло его в такой ужас: «...Бездонная яма разверзлась прямо около того места, где я стоял; из ее жерла с ужасным шумом вышло обилие дыма и огненные угли» [Bunyan 1984: 29]. Собеседник боится оказаться в аду за свои грехи и присоединиться к грешникам: ведь они даже «в аду сохраняют свою злую волю, отвращающуюся от Божия правосудия» [Thomas Aquinas], которое, согласно Аквинату, сочетается с даром страха Божия.

Перед тем как отпустить Христиана в далекий путь, Толкователь говорит ему: «Держи все увиденное в памяти, чтобы оно служило тебе стрелом для твоих боков, чтобы подгонять тебя вперед по пути, по которому ты должен идти» [Bunyan 1984: 29]. «Все увиденное» [Bunyan 1984: 29] нужно помнить, поскольку оно описывает ежедневную внутреннюю жизнь христианина, определяя ее нормы и правила.

Книга уже упомянутого Андроникуса, написанная в 1790 г., оказалась своего рода фиксацией уходящей традиции: уже в начале XIX в. не только продолжал издаваться исходный текст, но появились и переработки, облегчавшие его восприятие читателями. Эпоха риторического мышления, «инструментом» [Михайлов: 142], которого служила эмблема, уходила в прошлое. Процесс упрощения, адаптации коснулся разных фрагментов текста «Пути паломника», в том числе и эпизодов, содержащих описание эмблем.

В XIX в. «Путь паломника» прочно вошел в круг детского чтения, но очень скоро стало ясно, что словесная оболочка книги слишком сложна для понимания детей. Автор одной из первых адаптаций баньяновской книги для детской аудитории, Хелен Луиза Тейлор, в предисловии к своей адаптации пишет: «Хотя сотни детей с удовольствием читают «Путь паломника», возможно, лишь некоторые способны получить от чтения больше, чем смутное представление о значении этой книги» [Taylor: i]. Как полагает писательница, «темные и неясные слова, которые «сохраняют Истину, как шкафы содержат золото», нахо-

дятся за пределами их понимания, и для юного ума повествование о путешествии Христиана привлекательно просто как история приключений, и её внимательное чтение доставляет бесконечное удовольствие, но малую пользу» [Taylor: i].

Книга Х. Тейлор, получившая название «Паломничество маленького Христиана», была ориентирована на детей младшего школьного возраста и, соответственно, учитывала их уровень восприятия и осознания окружающего мира. Сцена в доме Толкователя подверглась сокращению и значительной переработке. Из семи эмблем писательница оставила только три, которые могли быть легко поняты детьми, однако первоначальный текст послужил Х. Тейлор лишь канвой для ее собственного повествования. Так, первая эмблема, у Баньяна представляющая собой портрет «некого очень серьезного Мужа» [Bunyan 1984: 24], изображенного на фоне «Мира» [Bunyan 1984: 24], то есть, видимо, символов мирских радостей и стремлений – богатства, славы, увеселений – вряд ли была бы понятна детям. Х. Тейлор, сохраняя саму идею созерцания картины, меняет ее сюжет: «Это было изображение Человека, Чей лик был прекраснее всего, что когда-либо видел в своем воображении маленький Христиан. Человек шел по горной тропе. Везде вокруг Него, среди скал, росли колючие кусты и терновник, которые порвали его одеяние во многих местах; Его ступни кровоточили, потому что их изранили острые камни. В руках Он нес маленького ягненка» [Taylor: 29]. Христиан был настолько потрясен, что разглядывал картину, сжав от волнения руки и стоя совершенно неподвижно, а позже, когда нужно было переходить к другой «живой эмблеме», ему «было очень жаль оставить позади изображение Доброго Пастыря» [Taylor: 29]. Образ Христа как Доброго Пастыря, с одной стороны, понятен детям, с другой, не только сообщает некий объем информации для осмысления, но и воздействует на эмоции маленьких читателей, вызывая желание помочь, облегчить боль, проявить сострадание, любовь. Понятна маленьким читателям и третья эмблема, рассказывающая о двух детях по имени Страсть и Терпение, причем Х. Тейлор добавляет в описание эмблемы детали, которые были знакомы ее читателям. Если у Баньяна Страсть получает «мешок, полный сокровищ» [Bunyan 1984: 25], то Х. Тейлор делает эти сокровища зримыми: «книжки, игрушки и хорошенькие вещицы» [Taylor: 31], а также «несколько мешочков с блестящими золотыми монетами» [Taylor: 32]. Х. Тейлор сохраняет и пятую эмблему, являющуюся аллегорией пути христианского воина в Небесный Град. Увидев, как отважно сражается воин, чтобы войти в царский дворец, маленький Христиан приходит к значимому для себя и читателей выводу: «... Нам не следует бояться, потому

что Царь поможет нам и приведет нас в безопасности в Свой Град» [Taylor: 34]. Как видим, из всех уроков, которые посредством эмблем Баньян преподавал читателям XVII в., для маленьких англичан XIX в. оказались важными любовь к Богу, умение справляться со своим дурным поведением и стремление держаться истинного пути.

Если книга Х. Тейлор, не утратившая своей популярности и в наши дни, является адаптацией оригинального текста для определенной возрастной категории, то «Иллюстрированный “Путь паломника”» (1960) был рассчитан на читателей, которые сосредотачиваются на картинках в книге, но текст должен быть очень простым, он скорее должен дублировать изображенное, а не дополнять его. Так, например, абзац из баньянова текста, в котором описывается, как семья и соседи пытались остановить Христиана, убегающего из Града Разрушения, в «Иллюстрированном “Пути паломника”» превращается в предложение: «Сговорчивый и Упрямый побежали за ним» [Pictorial Pilgrim's Progress: 20]. Все эмблемы из эпизода в доме Толкователя сохранены в этом издании и приводятся в том же порядке, в котором они включены в текст-источник, однако их аллегоричность почти не ощущается. Изображения, сопровождающиеся очень простым с точки зрения лексики и синтаксиса текстом воспринимаются скорее как реалистические зарисовки.

Еще одним способом заинтересовать читателей XX в. старинным текстом стало создание комиксов. Комикс Мартина Поуэлла (1992) по баньянову «Пути паломника» переносит действие книги в наши дни, в современную Америку. При этом сцена в доме Толкователя остается одной из ключевых, хотя число эмблем сократилось до трех. Череда эмблем начинается со второй: мы видим комнату, в которой все «покрыто грязью греха и забито пылью смерти» [Powell], и Толкователь, своей собственной рукой стирая пыль, говорит Христиану: «Смотри, как легко она может быть очищена благодатью Божией» [Powell]. Следующей идет шестая эмблема: на иллюстрации видим огромную библиотеку как символ мирских знаний и тесную клетку, в которой находится отчаявшийся человек, потакавший своим страстям. «Все мое умствование оказалось мыльным пузырем» [Powell], слышит от него Христиан. Последней использована пятая эмблема: серия картинок изображает воина, похожего на древних римлян, который, вступая в бой со стражей дворца, восклицает: «Я никогда не сдамся!» [Powell]. Слова Христиана показывают, что все увиденное для него стало усвоенным уроком: «Моя безопасность будет зависеть не от моего ума или физической силы... но от простой отваги и веры» [Powell]. Как и в случае Х. Тейлор, отбор эмблем значим: перед героем Поуэлла открываются две линии поведения – грех,

который ведет к отчаянию, и борьба с грехом, пусть и тяжкая, но ведущая к спасению.

Как видим, образ Толкователя, на первый взгляд эпизодический, оказывается у Баньяна гораздо глубже и значительнее, чем может показаться современному читателю, его глубина достигается за счет ассоциаций, которые он вызывал у современников Баньяна и более поздних поколений читателей, воспитанных в рамках культуры риторического сознания. Иными словами, не только поучительные сцены, которые Христиан видит в доме Толкователя, являются эмблемами, но и личность самого хозяина дома имеет символический характер. При том что при смене культурных парадигм аллегоричность баньянова повествования служила препятствием для полного понимания текста читателями, она же стала и средством сохранения культурно значимого текста в круге чтения современных людей. Единство комплекса баньяновых эмблем разрушилось, но отдельные эмблемы складывались в новые цепочки, которые в ярких, запоминающихся образах передавали идеи, понятные современным читателям. Хотя как формальная, так и содержательная сторона исходного текста со времени написания «Пути паломника» во многом претерпели изменения, однако и роль Толкователя, и назначение эмблем в адаптациях остались неизменными.

Список литературы

Зеленин Д.А. Дискурсивная эмблема как теоретическая проблема барочной литературы (на материале романа А. д'Обинье «Приключения барона де Фенеста») // Новый филологический вестник. 2020. № 1 (52). С. 37–49.

Зеленин Д.А. Эмблематика и исцеление от меланхолии в «Анатомии меланхолии» Р. Бёртона // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 1. С. 104–129. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-104-129>

Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Языки культуры. Москва: Языки русской культуры, 1997. С. 112–175.

Сахно И.М. «Ut pictura poesis»: поэтическая и живописная эмблема барокко // Обсерватория культуры. 2015. № 5. С. 94–100.

Andronicus. A Key to The Pilgrim's Progress Designed to Assist the Admirers of that Excellent Book to Read it with Understanding and Profit, as Well as Pleasing Entertainment. In a Series of Letters to a Friend by Andronicus. London, J. Barfield, 1790, p. 334.

Bunian J. The Pilgrim's Progress. Oxford-New York, Oxford University Press, 1984, 302 p.

Bunyan J. The Pilgrim's Progress. New York, Ginn and Company, 1917, p. 120.

Daly P.M. Literature in the Light of the Emblem. 2-nd Edition. Toronto, University of Toronto Press, 1998, p. 284.

Keeble N.H. Introduction. John Bunyan. The Pilgrim's Progress. Oxford, Oxford University Press, 1984, pp. IX-XXIV.

Keeble N.H. John Bunyan's literary life. The Cambridge Companion to Bunyan. Ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 13-25.

Lake P. Religious Identities in Shakespeare's England. A Companion to Shakespeare, First Edition. Edited by David Scott Kastan. Oxford, Blackwell Publishing Ltd., 1999, pp. 57-84.

Luxon T.H. Calvin and Bunyan on Word and Image: Is 'There a Text in Interpreter's House? English Literary Renaissance, 1988, vol. 18, No. 3 (Autumn), pp. 438-459.

Pooley R. The Pilgrim's Progress and the line of allegory. The Cambridge Companion to Bunyan, ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 80-94.

Powell M. The Pilgrim's Progress. Based on the book by John Bunyan. New York, Marvel Comics, 1992. URL: <https://www.zipcomic.com/the-pilgrims-progress-issue-tpb> (access date: 01.01.2023).

Quarles F. Emblemes. London, Printed by G.M., 1635, 334 p.

Sharrock R. Bunyan and the English Emblem Writers. The Review of English Studies, 1945, April, vol. OS-XXI, iss. 82, pp. 105-116. <https://doi.org/10.1093/res/os-XXI.82.105>

Smith N. John Bunyan and Restoration literature. The Cambridge Companion to Bunyan, ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 26-38.

Taylor H.L. Little Christian's Pilgrimage. The Story of The Pilgrim's Progress Simply Told. London, Wells Gardner, Darton & Co., LTD, 1910, 292 p.

Thomas Aquinas. St. Summa Theologica. Part II-II (Secunda Secundae). URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/18755/pg18755.html> (access date: 09.03.2023).

Whitny G. A Choice of Emblems and Other Devises. Leyden, In the House of Christopher Plantyn, 1586, p. 238.

Wither G. A collection of Emblemes, Ancient and Modern. London, Printed by A.M., 1635, p. 294.

References

Mikhailov A.V. *Poetika barokko: zavershenie ritoricheskoi epokhi* [Poetics of the Baroque: the completion of the rhetorical era]. *Iazyki kul'tury* [Cultural languages]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, pp. 112-175. (In Russ.)

Sakhno I.M. «*Ut pictura poesis*»: *poeticheskaja i zhivopisnaia emblema barokko* ["*Ut pictura poesis*": a poetic and pictorial emblem of the Baroque]. *Obseratoriia kul'tury* [Observatory of Culture], 2015, No. 5, pp. 94-100. (In Russ.)

Zelenin D.A. *Diskursivnaia emblema kak teoreticheskaia problema barochnoi literatury (na materiale romana A. d'Obin'e «Priklucheniia barona de Fenesta»)* [Discursive Emblem as a Theoretical Problem of Baroque Literature (Based on A. d'Aubigne's Novel "The Adventures of Baron de Fenest"). *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2020, No. 1 (52), pp. 37-49. (In Russ.)

Zelenin D.A. *Emblematika i istselenie ot melankholii v «Anatomii melankholii» R. Bertona* [Emblematics and healing from melancholy in R. Burton's "Anatomy of Melancholy"]. *Studia Litterarum*, 2021, vol. 6, No. 1, pp. 104-129. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-104-129> (In Russ.)

Andronicus. A Key to The Pilgrim's Progress Designed to Assist the Admirers of that Excellent Book to Read it with Understanding and Profit, as Well as Pleasing Entertainment. In a Series of Letters to a Friend by Andronicus. London, J. Barfield, 1790, p. 334.

Bunian J. The Pilgrim's Progress. Oxford-New York, Oxford University Press, 1984, 302 p.

Bunyan J. The Pilgrim's Progress. New York, Ginn and Company, 1917, p. 120.

Daly P.M. Literature in the Light of the Emblem. 2-nd Edition. Toronto, University of Toronto Press, 1998, p. 284.

Keeble N.H. Introduction. John Bunyan. The Pilgrim's Progress. Oxford, Oxford University Press, 1984, pp. IX-XXIV.

Keeble N.H. John Bunyan's literary life. The Cambridge Companion to Bunyan. Ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 13-25.

Lake P. Religious Identities in Shakespeare's England. A Companion to Shakespeare, First Edition. Edited by David Scott Kastan. Oxford, Blackwell Publishing Ltd., 1999, pp. 57-84.

Luxon T.H. Calvin and Bunyan on Word and Image: Is 'There a Text in Interpreter's House? English Literary Renaissance, 1988, vol. 18, No. 3 (Autumn), pp. 438-459.

Pooley R. The Pilgrim's Progress and the line of allegory. The Cambridge Companion to Bunyan, ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 80-94.

Powell M. The Pilgrim's Progress. Based on the book by John Bunyan. New York, Marvel Comics, 1992. URL: <https://www.zipcomic.com/the-pilgrims-progress-issue-tpb> (access date: 01.01.2023).

Quarles F. Emblemes. London, Printed by G.M., 1635, 334 p.

Sharrock R. Bunyan and the English Emblem Writers. The Review of English Studies, 1945, April, vol. OS-XXI, iss. 82, pp. 105-116. <https://doi.org/10.1093/res/os-XXI.82.105>

Smith N. John Bunyan and Restoration literature. The Cambridge Companion to Bunyan, ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 26-38.

Taylor H.L. Little Christian's Pilgrimage. The Story of The Pilgrim's Progress Simply Told. London, Wells Gardner, Darton & Co., LTD, 1910, 292 p.

Thomas Aquinas. St. Summa Theologica. Part II-II (Secunda Secundae). URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/18755/pg18755.html> (access date: 09.03.2023).

Whitny G. A Choice of Emblems and Other Devises. Leyden, In the House of Christopher Plantyn, 1586, p. 238.

Wither G. A collection of Emblemes, Ancient and Modern. London, Printed by A.M., 1635, p. 294.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.